
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Когда ярко развернулась желтая полоса заката и черным стал крест, на котором повисло уже безжизненное тело, когда шумными и непонятными толпами, тревожно чернея в быстрых сумерках, поспешно стал расходиться народ, когда возле креста, как шакалы у трупа, появились чьи-то робкие тени, – тогда только Иосиф покинул свое место и, накрыв голову плащом в знак ужаса и горя, медленно удалился.

В грязных и тесных предместьях города уже зажигались огни, и здесь казалось темнее, чем на голых вершинах. В крикливой игре света и тени, в узких кривых переулках, полных чада и остывающей пыли, на плоских кровлях домов, в садах и дворах озабоченно сновали люди. Они расплывались в сумраке, ярко вырисовывались перед освещенными дверями, сходились в кучки, расходились как бы в ссоре, стремительно жестикулировали, кричали, смеялись и ругались. Можно было подумать, что ничего не было, что ни на один миг не прерывалась вечная крикливая суeta, купли, продажи, обжорства, поцелуев и драк.

С отчаянием в помертвелой душе, накрыв голову и стараясь не смотреть по сторонам, Иосиф шел по плоским камням, вытертым миллионами шагов. Слезы и гнев душили его; он не мог понять, как глупый, жестокий и слепой народ в страхе и раскаянии не пал на землю, вопия в смятении:

– Господи, прости нам... не ведали, что творили!

Позорную смертью казнен величайший из пророков и лучший из людей, а они варят ужин, целуются со своими женами, бранятся за недоданную монету, за лишнюю меру навоза для удобрения своих виноградников...

Погас мелькнувший свет, во мраке осталась заблудившаяся мысль человеческая, еще темнее и зловещее стало на пути, по которому волей грозного Бога из века в век должны брести толпы людей со своими женами, детьми, скотами и жалким скарбом, со своими язвами и распрями. Мир опустел, безрадостным и бессмысленным снова лежит он, как труп, брошенный в пыль у края дороги. А они кричат и суetaются в своих дымных переулках, мелькают в чаду, смеются, ругаются, плачут и целуются.

Отвращением сжималось сердце Иосифа, и, еще ниже опустив голову, надвинув на глаза угол плаща, чтобы не видеть этого вздорного, глупого и ничтожного люда, он спускался из улицы в улицу, пересекая площади и рынки, и мимо мелькали дома, темные громады храма, ряды кипарисов, белых от пыли, и стройные колоннады римских дворцов.

Шел, точно бежал, а за ним, вытягиваясь и кривляясь на камнях мостовой, торопливо поспешала его длинная тощая тень. Тоненький серп месяца, трогательного и непонятного в своей вечной загадочной печали, блестел на синем мраморе холодного ночного неба.

На одной из площадей, в туманном свете месяца, мимо Иосифа с топотом, криками и проклятиями пробежала черная толпа и быстро рассеялась в темных переулках. Не успел еще приостановившийся в тени Иосиф понять, в чем дело, как за углом послышались тяжкие мерные шаги, и, блестя при месяце тусклыми бликами мечей и щитов, как гром сотрясая землю, быстро прошел отряд римских легионеров, преследуя тени и разгоняя толпу.

Все это мелькнуло и исчезло, как лунное видение, в мертвенно-тусклом свете месяца, но Иосиф понял, что это разгоняют толпы немногочисленных сторонников Иисуса, о которых днем со страхом, теперь смешным, говорили, что они сделают попытку отбить осужденного.

Этой попытки не было. Не удалась и попытка собраться перед дворцом Пилата, чтобы выразить ему свое негодование. Неподготовленные, бессильные и трусливые, они бежали под напором железных солдат, прятались в переулках и огородах, шепотом утешая друг друга, что их синяки и ссадины не пропадут даром.

Иосиф был слишком благоразумен, чтобы не понимать бесполезности этих жалких потуг. Он знал, что сила не на их стороне, что стальная лавина сметет их с лица земли и что в лучшем случае они просто погибнут. И потому еще утром Иосиф говорил многим, приходившим к нему: